

Чу Цзиньсяо говорил хрипло, но пальцы его намертво вцепились в рукав Нин Цзи, не желая разжиматься.

Нин Цзи замедлил шаг, слегка нахмурился и обернулся.

Юноша лежал, нахмутив брови, всем своим видом выражая тревогу.

В обычное время Нин Цзи, разумеется, стряхнул бы чужую руку. Но минувшей ночью Чу Цзиньсяо помогал ему направлять внутреннюю энергию, да и до такого состояния парень дошел из-за него.

При мысли об этом Нин Цзи, который терпеть не мог прикосновений, впервые заколебался.

Рука Чу Цзиньсяо, державшаяся за рукав, заметно ослабла, со лба скатилась капля пота.

Нин Цзи взглянул на него и в конце концов решил остаться.

Возможно, почувствовав знакомый аромат, Чу Цзиньсяо, пробормотав что-то невнятное, наконец притих.

Занавеси были подняты и закреплены высоко, Нин Цзи смотрел на руку, сжимавшую край его рукава, и медленно закрыл глаза.

...

Песочные часы в комнате отсчитывали время мучительно медленно.

Птица, поняв, что привлечь внимание обитателей дома не удастся, давно куда-то исчезла.

Неизвестно, сколько прошло времени.

Ясный солнечный день сменился пасмурным, и в комнату сквозь узорчатые окна пробивался лишь тусклый свет.

Раздался грохот грома — небо собиралось разразиться дождем.

Холодный ветер ворвался внутрь, заставив человека на кушетке нахмуриться во сне.

Хотя жилище послушника тоже находилось на вершине горы, до Двора Журавлиного Снега было довольно далеко.

Уровень его совершенствования был невысок, поэтому путь туда и обратно занял немало времени.

Кун Лин, которого он нес, словно яйцо, несколько раз сильно трянуло.

Он мысленно возмущался: Да что с этим парнем не так?! Ходит так, что даже Нин Цзи лучше него. Хоть тот и лицемер, но так над другими не измывается.

Сравнивая послушника, который таскал его всю ночь, с Нин Цзи, он неожиданно нашел в последнем хоть что-то хорошее.

Кун Лин ворчал про себя, сетуя на грубую ткань одежды послушника и его вечно потеющие ладони, от которых скорлупе было крайне неприятно.

Он придирался ко всему подряд, и, словно в наказание за жалобы, стоило этой мысли промелькнуть в голове, как начался дождь.

Кун Лин: ...

После раската грома с неба хлынули потоки воды.

— Ой!

Послушник промок до нитки, и яйцу досталось не меньше.

Кун Лин: ...его перья! Смерть от ярости!

— Ах, почему пошел дождь? — спохватился послушник, потирая голову.

Кун Лин сердито подумал: Откуда мне знать?

Хорошо хоть тот догадался укрыться. Они переждали в беседке у дороги и двинулись дальше, только когда дождь утих.

Расстояние было привычным, но из-за непогоды послушник добрался до Двора Журавлиного Снега с опозданием на целый час.

После изнурительного подъема по горной тропе они наконец дошли. Кун Лин был вымотан до предела.

— Наконец-то пришли. Сегодня прямо день бедствий, — пробормотал послушник. — Эй, подожди немного, сейчас поприветствуем Достопочтенного, я верну тебя на дерево, а потом пойду подогрею вина.

Кун Лин: Почему ты такой болтливый?

Ему это до смерти надоело, и он притворился, что ничего не слышит.

Послушник не знал, что творится на душе у яйца, и, не дождавшись ответа, счел это за согласие. Он до сих пор помнил вчерашние слова Достопочтенного. Нужно было доложить ему, а потом направиться к Холодному омуту.

Дождь стих, но с карнизов всё еще капало.

— Достопочтенный? — окликнул послушник, постучав в дверь, но ответа не последовало.

Нин Цзи, закрыв глаза, отдыхал и не слышал, что происходит снаружи.

Странно, неужели его нет?

Послушник решил, что внутри никого, и, поежившись, решился толкнуть дверь.

Скрип петель перекрыл шум капли и отчетливо раздался в тишине комнаты.

Только тогда Нин Цзи медленно открыл глаза.

Шум снаружи нарушил покой. Послушник вошел, потирая замерзшие руки, и, не увидев хозяина, удивился. Он уже собрался оглядеться, но, сделав пару шагов, увидел фигуру впереди.

Эй, Достопочтенный здесь.

Он удивился, почему тот не подал голоса, но мысль эта тут же улетучилась.

— Достопочтенный.

Он подошел ближе и только открыл рот, как увидел человека рядом.

Рядом с Достопочтенным кто-то был.

За шелковыми занавесями, подвязанными высоко вверх, на кушетке лежал бледный красавец-юноша, чья рука крепко сжимала рукав Нин Цзи.

Послушник застыл на месте, широко раскрыв глаза.

Это... старший брат Чу?

Он прикрыл рот ладонью, едва не выронив яйцо.

Нин Цзи, заметив его резкое движение, покачал головой, призывая к тишине.

— Потише, — негромко произнес он, слегка кашлянув.

Кун Лин, лениво свернувшийся внутри скорлупы, услышал имя Чу Цзиньсяо и насторожился.

А-Чу? Зачем этот мальчишка упоминает его?

Охваченный любопытством, он выпустил частицу своего сознания.

Увидев представшую перед ним картину, он вытаращил глаза еще сильнее, чем послушник.

Кун Лин: ...

Погодите, почему Чу Цзиньсяо здесь?

Нет! Почему Чу Цзиньсяо лежит на кушетке Нин Цзи?

Кун Лин, будучи пылким поклонником Чу Цзиньсяо, пришел в ярость, едва осознав увиденное!

Неужели этот лицемер вчера отправил его с послушником именно ради этого?

Поза двоих казалась настолько двусмысленной, что Кун Лин сразу подумал о худшем.

Нин Цзи не подозревал, что яйцо способно на такие полеты фантазии. Он нахмурился, взглянул на удивленного послушника и сказал:

— Прошлой ночью Чу Цзиньсяо помогал мне исцелять раны и выбился из сил, поэтому сегодня он останется здесь.

Голос его звучал ровно, без тени эмоций.

А?

Услышав объяснение, послушник наконец пришел в себя.

О, так он не остался на ночлег... Он ощутил легкое разочарование, но его внимание тут же переключилось на другое.

Старший брат Чу лечил Достопочтенного?

Значит, вчера Достопочтенный действительно был ранен, а не просто действие лекарства закончилось?

Он широко раскрыл глаза, и Нин Цзи сразу прочитал его мысли. Зная, что послушник начнет винить себя, он поджал губы:

— Не думай об этом, мне уже лучше.

Послушник все равно поник. Нин Цзи не любил лишних слов, поэтому одного успокоения было достаточно. Он поднялся, смахнул с себя руку Чу Цзиньсяо и сказал:

— Позаботься о нем.

— О-о, хорошо! Достопочтенный, не беспокойтесь, в этот раз я обязательно буду присматривать за старшим братом Чу! — пообещал послушник, желая искупить свою вину.

Он безгранично верил словам Достопочтенного, считая того божеством.

Но Кун Лин — нет.

Он был в ярости и готов был взорваться, но после объяснения слегка выдохнул. Нин Цзи следовало радоваться, что он ничего не сделал с А-Чу. Иначе... Хм. Даже если он Достопочтенный Меча, он бы этого так не оставил.

Кун Лин холодно фыркнул, все еще недовольный тем, что Нин Цзи позволил Чу Цзиньсяо себя лечить.

Видимо, из-за сильного волнения он случайно выпустил немного ауры.

Кун Лин, только что мысленно угрожавший всем подряд: ...

Чего он на меня смотрит?

Не уверенный, не выдал ли он себя, он на всякий случай снова сжался в комок.

Нин Цзи, уже собиравшийся уходить, вдруг задержал взгляд на яйце.

Послушник, заметив это, поспешил объяснить:

— По дороге попали под дождь, яйцо журавля намокло.

Он подумал, что Достопочтенному неприятно видеть грязный предмет.

— Что-то не так, Достопочтенный?

Нин Цзи отвел взгляд.

— Ничего. Впредь оставляй это яйцо на дереве.

Если он не ошибся, то та аура... Нин Цзи не верил в случайности. Это яйцо раз за разом проявляло необычную духовную энергию, что заставляло его хмуриться. Впрочем, на Пике Разоружения стояли защитные барьеры, так что много бед оно не натворит.

К яйцу он относился холодно, словно к бесполезной вещице.

Послушник понимающе кивнул.

Кун Лин, чье внимание было приковано к тому, что А-Чу спит на кушетке его соперника, с трудом успокаивал себя мыслью, что Нин Цзи хотя бы сохранил остатки человечности и ничего не предпринял. Но он не ожидал, что эта мысль будет разрушена сразу после слов Нин Цзи.

Услышав, что его считают лишь предметом, Кун Лин сначала опешил, а затем в неверии вытаращил глаза.

...

Чу Цзиньсяо проснулся уже в полдень.

Он замер, почувствовав, что рука, которую он сжимал, пуста, и медленно открыл глаза.

— Старший брат Чу, вы проснулись?

Послушник, дремавший за столом с веером в руках, тут же вскочил и поспешил к нему.

Чу Цзиньсяо сел. Усталость, что была перед обмороком, почти прошла, лишь духовная энергия немного застаивалась, вероятно, из-за сильного истощения. Он все понимал.

Оглядевшись, он хрипло спросил:

— Где Наставник?

Он помнил, что перед тем, как потерять сознание, видел Наставника.

Послушник честно ответил:

— Достопочтенный заботился о вас всю ночь и только недавно пошел отдыхать. Но не волнуйтесь, он наказал мне присматривать за вами. Отдыхайте, старший брат.

— Заботился всю ночь? — Чу Цзиньсяо нахмурился.

Послушник кивнул:

— Да, всю ночь. Когда я пришел утром, Достопочтенный сидел у кушетки, похоже, он не спал ни минуты.

В словах послушника сквозила жалость. Сердце Чу Цзиньсяо сжалось. Пальцы задрожали, и, сам не зная почему, он ощутил тайную радость.

Узнав, что Наставник не ушел, Чу Цзиньсяо опустил глаза, чувствуя, как на душе стало легче. Он помолчал и добавил:

— Как раны Наставника?

— Сегодня ему гораздо лучше, чем вчера, — ответил послушник и протянул ему флакон. — Кстати, старший брат Чу, этот духовный источник — от Достопочтенного. Сказал, поможет восстановить силы.

Нин Цзи знал, что Чу Цзиньсяо очнулся. За ширмой в глубине комнаты он отложил книгу.

Услышав, что послушник передал флакон, он отвел взгляд.

Только он хотел вернуться к чтению, как услышал тихий голос:

— Благодарю, Наставник.

Пальцы Нин Цзи дрогнули:

— Не стоит.

Это была лишь плата за ночное исцеление, для него — совершенно естественный поступок.

Но Чу Цзиньсяо, видимо, подумал о чем-то своем, замер на мгновение, а затем его глаза ярко вспыхнули, и он улыбнулся:

— Да, я знаю, Наставник.

Нин Цзи: ...

Он не понимал мыслей главного героя, но, нахмурившись, промолчал.

Тем временем Су Фэнъянь всю ночь прождал Чу Цзиньсяо у входа в его двор, но тот так и не вернулся.

Он слегка нахмурился. Уже почти полдень, а Чу Цзиньсяо редко оставался вне дома на ночь, да и сегодня была не его смена.

Его взгляд стал странным, полы одежд развевались на ветру, а на худощавом лице легла тень.

Подождав еще немного, он нахмурился и сложил печать.

Из ниоткуда прилетела птица, окутанная черным дымом, и опустилась перед ним.

— Хозяин.

— Ты знаешь, где А-Чу был прошлой ночью? — негромко спросил он.

Птица ответила монотонно:

— Пик Разоружения, Двор Журавлиного Снега.

Двор Журавлиного Снега?

Он влил в птицу еще немного энергии. Птица на мгновение замерла, а затем выдала:

— На кушетке Достопочтенного Меча Нин Цзи.

Пальцы Су Фэнъяня замерли.

<http://bllate.org/book/19881/1957158>